

РЕЗОЛЮЦИЯ ОТДЕЛА ИНФОРМАЦИИ. Данное интервью является сырым, недоработанным материалом, сделанным в violating противоречии с законами жанра. Автор вступает с интервьюируемыми в спор, порою напоминающий перебранку, что абсолютно недопустимо. Умалчивается, а по существу скрывается от читателя важная информация о заслугах интервьюируемых. Например, Эмиль Вениаминович Брагинский — не просто известный кино- и театральный комедиограф, автор сценариев «Берегись автомобиля», «Учитель пения» и т. д. Он является заслуженным деятелем искусств РСФСР, лауреатом Государственных премий СССР и РСФСР. Однако автор об этом даже не упоминает. Отдел информации предлагает отложить публикацию данного материала до следующего раза. В противном случае возложить всю ответственность на отдел фельетонов.

РЕЗОЛЮЦИЯ СЕКРЕТАРИАТА РЕДАКЦИИ. Учитывая, что следующий раз будет ровно через год, принять материал условно. Обязать автора устранить отмеченные недочеты в первом квартале 1984 года без дополнительного финансирования.

РЕЗОЛЮЦИЯ ДЕЖУРНОГО РЕДАКТОРА. Принять к сведению заверения отдела фельетонов в том, что у 96,3 процента читателей «Известий» высоко развито чувство юмора. Обязать автора лично принести извинения остающимся 3,7 процента читателей, что составляет примерно 259.471 извинение.

— Но почему же, почему?!

Н. Богословский. — Нет, и все!

— Предупреждаю, Никита Владимирович: читатели нас не поймут. Все товарищи дисциплинированно отвечают как минимум на два вопроса: о главных творческих свершениях года минувшего, а также о планах на год наступающий.

Н. Богословский. — И все же о планах — ни слова! Я убедился на собственном опыте, что стоит мне объявить о своих замыслах, как они по тем или другим причинам не осуществляются. Конечно, я мог бы что-нибудь придумать, но вы ведь знаете: я никогда и никогда не разыгрываю! Могу компенсировать будущее прошлым. Минувший год для меня выдался удачным. Ну, прежде всего, я перенес свой юбилей. Перешагнув рубеж где-то посередине между бодростью 60-летия и мудростью 80-летия. Счастлив, что юбилей совпал с присвоением мне звания народного артиста СССР. Вышел «гигант» с моими песнями из кинофильмов. Потом пластинка с Четвертой и Пятой симфониями. И еще песни, написанные вместе с моим давним другом и коллегой, лауреатом премии Ленинского комсомола Филиппом Жераром. Таким образом, общее количество моих дисков стало равным количеству прожитых мною лет. Состоялась премьера моей Шестой симфонии. Кстати, за минуту до нашего разговора я поставил последнюю точку в Седьмой симфонии, которая написана специально для эстрадно-симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения.

— И это все?

Н. Богословский. — Почти. Впрочем, добавьте семейно-творческую радость. В 1983 году вышел двойной альбом пластинок рок-оперы «Алые паруса», либретто, музыку и стихи в которой написал мой сын Андрей.

— Может быть, хоть два слова о будущем? Долгожданные события, запланированные сюрпризы?

Н. Богословский. — В издательстве «Советский композитор» готовится большой сборник моих избранных песен. По плану он должен был выйти в 1983 году. Но затем выход отложили на год 1984-й, что было для меня большим сюрпризом.

— А у вас есть претензии к срокам выхода книг? (Вопрос адресован художнику-сатирику Евгению Шукаеву).

Е. Шукаев. — К сожалению,

ТРИДЦАТЬ ВОПРОСОВ И ТРИ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ПОВОДУ УЛЫБКИ В ПЕРСПЕКТИВЕ

никаких. Поэтому над иллюстрациями к «Двенадцати стульям», вышедшим точно по графику в издательстве «Правда», пришлось работать в самом жестком режиме.

— Как вам, Евгений Александрович, удалась панно сеялая, разграсывающего облигации? Помнится, эта штука надломил творческую биографию Остапа Бендера

Е. Шукаев. — Я предпочел уклониться от этой иллюстрации. Судя по роману, панно было верхом бездарности. Я же, наоборот, рисую не столь хорошо, чтобы рисовать так плохо.

— А может, смелости не хватило?

Е. Шукаев. — Если в сердце художника робость, то к романам Ильфа и Петрова и приближаться не стоит. Тут ведь какие предшественники! Одним из первых иллюстраторов «Двенадцати стульев» был Константин Павлович Ротов Остроумец, фантазер, многофигурные композиции с любого угла набелосрисовал.

— Как это?

Е. Шукаев. — Ну, без карандашных набросков, без разметки композиционных центров. Так уверенно, будто не из головы, а с другого листа перерисовывал... Затем Куркынниксы, Борис Ефимов, Иван Семенов, Леонид Соифертис. Это не только имена, это мастера!

— А эмпана живого ты в глаза видел?

Е. Шукаев. — К сожалению, нет. То есть сожалее как художник, а так бы глаза мои его не видели! По этой, в частности, причине подготовительный период был едва ли не труднее, чем собственно рисование.

— Зато «Золотого тельца» будет делать легче, верно?

Е. Шукаев. — Ох, не скажи! На БАМе я бывал, да только вряд ли эти впечатления помогут мне точно показать строительство Турксиба.

— Мы вроде плавно перешли к планам на будущее?

Е. Шукаев. — Иллюстрации к «Золотому тельцу» — моя главная работа в 1984-м. Еще одна главная — к «Старичку Хоттабычу» Лагина. И третья главная —

к тыняновскому «Поручику Кижю». Одно меня гнетет: год високосный.

— Суеверие?

Е. Шукаев. — При чем тут суеверие? Прибавляется всего один рабочий день, а этого так мало! Придумать бы такой високосный, чтобы хоть две-три недели прибавилось. Уверен, читатель бы чаще улыбался.

— Кстати, а как правильно называть того, кто рассматривает рисунки в книге — читатель или зритель?

Е. Шукаев. — Об этом спроси у писателей.

— Так все же: читатель или зритель? — в упор спросили мы

у писателя Михаила Жванецкого.

М. Жванецкий. — Я тот писатель, который работает для зрителя, но мечтает о читателе. Смертельно завидую тем, кто умеет обстоятельно описывать что угодно: рассвет над озером или покупку холодильника в кредит. У меня же самый дичный сюжет сам собою укладывается за две страницы. Издавать смешно.

— А читать вслух?

М. Жванецкий. — Это уже как зрители. В прошлом году именно они подарили мне три памятных дня. Это когда в столичном киноконцертном зале «Октябрь» состоялись мои авторские концерты «Пером и словом». Особенно трогательно, что один чуть не сорвался.

— Что ж тут трогательного?

М. Жванецкий. — Я забыл документы и меня не пускали. Тут-то я убедился, как глупо спрашивать лишние билеты. Хорошо, режиссер Инна Ростова провела меня, сказав: «Это со мной!» Так я проник на свое выступление.

— Понравилось?

М. Жванецкий. — Тогда — очень. Сейчас вижу, что могло быть лучше.

— И в будущем году мечтаешь?

М. Жванецкий. — В будущем году я буду мечтать о том же, о чем мечтал в прошлом и позапрошлом. Я мечтаю написать роман о человеке, который мечтает написать роман. Но не может сосредоточиться, потому что ему мешает жизнь. И он мечтает о том, чтобы уехать в глухое место и писать роман. Потому что настоящий писатель должен больше писать, чем жить.

— И где она, та глухомань?..

— Не дальше Садового кольца, — подает голос артист Виктор Ильченко. — Мы сейчас работаем над новым спектаклем по миниатюрам Михаила Жванецкого.

— О чем, если не секрет?

Виктор Ильченко. — Можно говорить правду?

— Разумеется.

Виктор Ильченко. — Это спектакль о правде. О том, как нам всегда и везде: в семье, на ра-

боте, на улице, в общении с друзьями и незнакомыми людьми нужна правда и только правда.

— Виктор, не лукавь! — вступает в разговор бескомпромиссный Роман Карцев, неизменный партнер Виктора Ильченко по сценической работе. — Сатирик доказывает истину от противного. Вот и мы готовим спектакль о лжи. Ложь трусливую или корыстолюбивую, ложь во спасение или во искупление — короче, ни одного из оттенков и разновидностей фальши мы не намерены щадить. Репетируем много, кое-что получается.

— Что именно?

Виктор Ильченко. — Уже улыбаются, но этого мало.

Роман Карцев. — Наша цель, чтобы люди хохотали. Чтобы они почувствовали отвращение ко лжи. Для искоренения такого социально опасного порока необходимо сильнейшее сатирическое средство.

— А как будет называться спектакль?

Виктор Ильченко. — «Браво, сатира!» Но это название условное. Или, точнее, рабочее.

— Часто ли меняется рабочее название?

— Сколько угодно! — отвечает композитор Владимир Шайнскый. — Вот я написал музыку для одного фильма, а название его пока не могу. То ли «Сухопутные пловцы», то ли «Дело за тобой», то ли «Если очень захотеть». Зато второй фильм могу назвать точно: «Утро без отметок», студия имени Горького. О музыке пусть судят другие. Про себя же могу сказать, что я, когда смотрел его на днях, забыл о том, что уже давно не ребенок.

— И песни там есть, в этом фильме?

В. Шайнскый. — Что за жизнь без песен?

— Кстати, а сколько всего песен принадлежит перу Шайнсккого?

В. Шайнскый. — Выйду на пенсию, проведу инвентаризацию. Но в следующем году, надеюсь, состоится приятное для меня событие: сороковая услышанная песня.

— Прошу прощения, но это непонятно. Если будет ровно сорок песен, то при чем тут инвентаризация?

В. Шайнскый. — Я ведь говорю: услышанная. Я веду подсчет только тех песен, которые услышал в непрофессиональном, так сказать, исполнении: на улице, в электричке...

— В метре?..

В. Шайнскый. — В метре пять нельзя. Искусство не должно способствовать нарушению общественного порядка. Во всяком случае, когда я слышу свои песни, распеваемые гражданами во хмелю, я испытываю смешанные чувства.

— А что мы споем новенького на Новый год?

В. Шайнскый. — В одной из последних передач уходящего года Ольга Зарубина исполнила на телевидении мою новую песенку «Кукла». Вероятно, на Новый год она прозвучит в исполнении Марыли Родович. Однако заявить сейчас, что эта песня пополнит список «услышанных», я не отваживаюсь. Популярность мелодии идет по своим таинственным законам. Предвосхищать их действие было бы на грани авантюризма.

— Так ли уж страшен авантюризм, как его малюют? — засомневался Эмиль Вениаминович Брагинский. — У меня, например, прошлый год был авантюрным. Я написал комедию для театра, которая так и называется — «Авантюристка». Первыми поставили ее театры Саратова и Кирова, лишней раз проверяя понятие театральной провинции. Вышел на экран фильм «Вокзал для двоих», и я авантюрно надеялся, что этот вокзал окажется дорогим не только персонажам Гурченко и Басилашвили. И наконец, впервые в жизни я, городской житель, посеял на грядке салат, лук и морковь, что было чистым безумием, и, к моему изумлению, овощи произросли. В будущем году я собираюсь продолжать в том же духе и написать для театра новую детективную комедию, что тоже авантюра, так как я совершенно не убежден, что умею писать детективы.

— И вновь под Новый год телевидение покажет написанную вами вместе с Эльдаром Рязановым «Иронию судьбы, или С легким паром». Как вам нравятся эта добрая традиция?

Эмиль Брагинский. — Не надо так зло шутить над доброй кинокомедией. Есть слух, будто в «Фитиле» по этому поводу даже готовится специальный сюжет.

— Слух не подтверждаю, — заявил главный режиссер всеюжурнала «Фитиль» Александр Столбов. — А вот памятные для нас события имели место. В прошлом году вышел 250-й номер «Фитиля». По метражу 250 «Фитилей» потянут на 30 комедий. А если взять в расчет весь смех и улыбки зрителей, то итоги будут, наверное, еще выразительнее. Правда, нам легче, чем авторам полнометражных комедий, потому что сценарии мы не утверждаем по двадцати кабинетам. Их утверждает сама жизнь. У нас нет кинопроб, мы снимаем героев без грима и порою даже без их согласия. А если кто-то и недоволен нашей работой, то это, как правило, наши главные герои. Что же касается планов «Фитиля», то специфика в том, что мы не можем ими поделиться. Единственное, что мы можем сказать, так это то, что в будущем году, как и прежде, бюрократы, хапуги, бракоделы могут смело рассчитывать на выделенные нам фонды кинопленики.

Мастеров сатиры и юмора расспрашивал дотошно, хотя и не по правилам